

ВЕНИАМИНУ Александровичу Каверину исполнилось семьдесят лет. Пятьдесят из них он работает в литературе: его литературный дебют относится к 1922 году. Его произведения «Два капитана», «Открытая книга», «Исполнение желаний» и многие другие составили славу страницы в истории советской литературы.

Свое семидесятилетие В. А. Каверин встречает в расцвете творческих сил. Его опубликованный в прошлом году роман «Перед зеркалом», по свидетельству библиотечарей, ни дня не простаивает на библиотечной полке.

Много видел на своем веку Вениамин Александрович, богата событиями, встречами, впечатлениями его жизнь. И память сердца заставила его обратиться к минувшему: сейчас писатель работает над новым воспоминанием.

В РАННЕМ детстве меня поражало все — и смена дня и ночи, и хождение на ногах, в то время как гораздо удобнее было ползать на четвереньках, и закрывание глаз, волшебное отрезавшее от меня видимый мир. Повторяемость еды поразила меня — три или даже четыре раза в день? И так всю жизнь? С чувством глубокого удивления привыкал к своему существованию — недаром же на фотографиях тех лет у меня всегда широко открытые глаза и поднятые брови. Это выражение впоследствии скрылось за десятилетиями других, вынужденных и добровольных.

Каждое утро открывались магазины, чиновники шли в свои «присутственные места», гимназисты — в гимназию, нянька — на базар, отец — в полк, мать в «специально-музыкальный магазин» на Плоской.

В комнате с кривым полом висела карта России, и, разглядывая ее, я думал о том, что почти то же самое происходит во всех городах Средне-Русской возвышенности, а может быть, и Сибири. Каждый делал не то, что хотел, а то, что ему полагалось делать. Саша, мой старший брат, например, охотно остался бы дома, читал «Вокруг света», нянька побегала бы не на базар, а к своему актеру, а мама, приняв пирамидон, уснула бы — она постоянно жаловалась на головную боль. По-видимому, в России был только один человек, который с утра до вечера мог делать все, что вздумается, — играть в солдатики, пускать мыльные пузыри и ходить по двору на ходулях. Это был император. В нашем доме только нянька заступалась за царя — она была монархистка. Ее смуглое, цыганское лицо свирепело, когда ругали царя, она билась кулаком в грудь, золотые кольца в ушах вздрагивали, черные глаза разгорались.

— Государь император — божий помазанник, — говорила она и, открывая свой сундук, показывала на внутренней стороне крышки фотографии царской семьи. — Всякая власть — от бога.

Семья была симпатичная. Хорошенькие девочки, высокая дама в белой шляпе и офицер с бородкой, похожий на штабс-капитана Заикина, командира третьей роты Омского полка. Впрочем, многие офицеры были почему-то похожи на царя. Царь был божий помазанник, потому что при восшествии на престол его помазали особенным ароматическим маслом. Варилось оно только в Киеве и Москве, в первые четыре дня страстной недели, причем разжигал уголь и подкладывал под котел дрова сам архиерей, а священники все три дня, пока оно варилось, читали молитвы.

Словом, мне было ясно, почему сто двадцать миллионов человек, населяющих Российскую империю, делают то, что приказывает им царь. Архиерей помазал его лоб, глаза, губы, грудь и уши божественным веществом — и совершилось чудо. Он получил власть.

Мне нравилась фотография царской семьи, наклеенная на крышке нянькиного сундука, — очевидно, я был монархистом. Но у меня не было полной уверенности в том, что я монархист. В России шла таинствен-

ная борьба против царя, и отзвуки ее заставляли меня волноваться. О подпольщиках говорили шепотом, с таинственным выражением. Они доверяли только друг другу. Скрываясь от полиции, они переезжали из города в город. У них были подложные паспорта, чужие фамилии. Они притворялись инженерами, нотариусами, врачами. Они гримировались, как актеры. Они должны были ничем не отличаться от самых обыкновенных людей — мне казалось, что это почти невозможно. Наяву и во сне они одновременно и были и не были самими собой.

За подпольщиками охотились филеры — так назывались сыщики, служившие в охранном отделении

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ОДИН ДЕНЬ ДЕТСТВА

В. КАВЕРИН

министерства внутренних дел. Зимой, в лютый мороз они часами топтались на месте, подсматривая в окна и отмечая в своих записных книжках, что такой-то пришел к такому-то в таком-то часу. Некоторых филеров знали в городе, и мне казалось, что, несмотря на приличный вид — телок и длинное пальто, — они все-таки готовы к тому, что кто-нибудь может плюнуть им в лицо или толкнуть, не извинившись. Брат Саша утверждал, что полиция платит им миллионы, потому что это адски трудная работа, которую можно сравнить только с ловлей жемчуга в Карибском море: голый ныряльщик проводит под водой девяносто секунд.

О, как мне хотелось увидеть хоть одного настоящего подпольщика, который был бы одновременно врачом, нотариусом или инженером! Я не подозревал, что он живет в нашем доме...

Я проглотил граммофонную иглолку, и мама послала меня к доктору Ребане. Он был занят, и пока я ждал его, мне становилось все страшнее. Я вспомнил, как мы купались в Черныковцах, в речке плавали «волосы», и Саша сказал, что они живые и могут впитаться в тело и дойти до сердца. Прежде я даже любил представлять себе, как я умираю: гимназический оркестр идет за моим гробом, играя похоронный марш, мотуры с грубыми, притворно-грустными мордами медленно шагают по сторонам колесницы. Валя Карузина мелькает в толпе, прижимая платочек к покрасневшему глазам. А я лежу в открытом газетовом гробу и думаю со злорадством: «Ага, дождались! Так вам и надо». Но в приемной доктора Ре-

у нас и даже любил после обеда повалиться на диване в столовой. Но во время войны, когда мы стали сдавать комнату, он вдруг переехал к нам.

Два раза в неделю у него был прием, и, очевидно, он очень внимательно осматривал больных, потому что некоторые из них сидели у него очень долго, даже оставались иногда ночевать.

Однажды доктор вышел из своей комнаты с таинственным видом.

— Ребята, идите сюда.

Мы пошли и увидели, что в кресле у письменного стола, с закрытыми глазами сидит человек. Руки у него были подняты, точно он собрался лететь, лицо спокойное, спящее, — и он действительно спал.

— Попробуйте согнуть ему руку, — сказал доктор.

Мы попробовали.

— Смелей!

Подогнув ноги, мы повисли на согнутых руках, как на штанге. Это было страшно, потому что казалось, что руки могут сломаться. Но они не сломались. Человек ровно дышал, и ему, по-видимому, даже не приходило в голову, что мы проделываем с ним такие штуки.

Я скоро забыл бы об этой истории, но на Сашу она произвела глубокое впечатление. Он нарисовал на потолке черный кружок и смотрел на него подолгу, не отрываясь, — воспитывал силу взгляда. Однажды он даже попробовал силу взгляда на Остолопове, который хотел поставить ему по геометрии единицу, но под воздействием этой силы исправил на двойку.

Из ньюйоркского института зна-

Невском проспекте, 106, Саша написал книгу «Внушение, как путь к успеху». Путь к успеху, оказывается, шел не через внушение, а через самовнушение. Нужно было внушить себе, что мы волевые, энергичные люди. Именно так поступили в свое время Рокфеллер, Карнеджи и другие. О гипнозе упоминалось мельком.

Каждый день после гимназии Саша пытался усыпить меня, и хотя мне иногда действительно хотелось спать, сон сразу же проходил, как только он с выражением решимости впиливался в меня широко открытыми глазами. Он мне надоел в конце концов, и, чтобы отделаться от него, я однажды решил притвориться спящим.

Это было под вечер в нашей комнате с кривым полом. Саша сказал, что сейчас он на расстоянии передаст мне свою мысль. Мы шли по комнате, он смотрел мне в затылок, и хотя расстояние было небольшое, мне никак не удавалось угадать эту мысль, потому что приходилось все время удерживаться от смеха. У окна я остановился, зажмурился и хрюкнул. Но, очевидно, Саша внушал мне что-то другое, потому что я почувствовал, что сейчас он даст мне подзатыльник. Тогда я прижался носом к стеклу, открыл глаза — и отскочил, чуть не сбив с ног гипнотизера. С другой стороны окна, прижавшись к стеклу, на меня смотрела чья-то страшная сплюснутая рожа.

Саша стал было доказывать, что он внушил мне увидеть рожу, но это было уже чистое вранье, потому что полчаса спустя мы встретили обладателя этой рожи на Сергиевской, в двух шагах от нашего дома. Приличный господин с усами, в меховой шапке долго топтался на углу, а потом ушел и вернулся в картузе.

Мы сразу побежали к доктору, потому что это был, без сомнения, филер. Но доктор засмеялся и сказал, что это не филер, а нянькин поклонник и что он сменял меховую шапку на картуз, чтобы понравиться няньке. При этом доктор почему-то торопливо вынимал бумаги из письменного стола, но не из ящиков, а из широких, оказавшихся полными ножек. Боковина, к нашему удивлению, снималась, и в каждой ножке лежала кипа тонких листков.

— Ну, конечно, я его знаю, — улыбаясь, говорил он. — Такой симпатичный господин с усами. О, конечно, это нянькин поклонник, и остается только удивляться ее успеху в столь преклонные годы. Но мне не хочется с ним встречаться. Лучше я пройду через сад, а вы, ребята, останьтесь в моей комнате, пожалуйста, да. Пройдитесь туда — назад. Опустите шторы, да. Зажгите настольную лампу. О, недолго, десять или пятнадцать минут.

Он протянул нам обе руки, мы пожали их — Саша левую, я правую — и ушел.

Опустив шторы, мы зажгли настольную лампу и прохаживались туда и назад до тех пор, пока доктор не вернулся. Бумаги он где-то оставил и был очень спокоен, даже, пожалуй, спокойнее и веселее, чем всегда. Вскоре раздался продолжительный, резкий звонок. Это была полиция, двое городовых, один штатский и жандармский офицер, которого мама встретила, надменно закинув голову с бьющейся от волнения жилкой на левом виске. Обыск продолжался долго, до ночи — и ничего не нашли. В доме не спали. Нянька, растрепанная, в грязном халате, сидела на кухне и говорила, что во всем виноват архиерей Никон и что миру скоро конец, потому что люди забыли старую веру.